
ОКНО
В
ИСТОРИЮ

Феликс МЕДВЕДЕВ

Мои Великие
старики

Санкт-Петербург

«БХВ-Петербург»

2012

УДК 929
ББК Т.3(0)
М42

Медведев Ф. Н.

М42 Мои Великие старики. — СПб.: БХВ-Петербург, 2012. — 448 с. — (Окно в историю)

ISBN 978-5-9775-0759-2

В книгу вошли интервью и воспоминания, посвященные судьбам «Великих стариков» ушедшего столетия. Среди героев книги — неординарные личности, своими деяниями и судьбой вписавшиеся в историю XX века: Габриэль Гарсиа Маркес и Михаил Горбачев, Шимон Перес и Илья Глазунов, Арсений Тарковский и Курт Воннегут, Александр Есенин-Вольпин и князь Тарановский, личный фотограф Л. Брежнева Владимир Мусаэлян и племянник Николая II Тихон Куликовский-Романов... С героями книги автор встречался на протяжении нескольких десятков лет. У многих брал интервью для прессы, с кем-то дружил. Книга логически продолжает предыдущий том «Мои Великие старухи», посвященный выдающимся женщинам XX века.

Для широкого круга читателей

УДК 929
ББК Т.3(0)

*В книге использованы фотоматериалы
из архива Феликса Медведева*

Подписано в печать 29.02.12.
Формат 60×90^{1/16}. Печать офсетная. Усл. печ. л. 28.
Тираж 2000 экз. Заказ №
"БХВ-Петербург", 190005, Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП "Типография "Наука"
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-9775-0759-2

© Медведев Ф. Н., 2012
© Оформление, издательство "БХВ-Петербург", 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Глава 1. В Переделкине с Арсением Тарковским	9
Глава 2. О Василе Быкове. Трава после нас	30
Глава 3. Соблазн и шок по Сен-Лорану	51
Глава 4. Габриэль Гарсиа Маркес в журнале «Огонек»	58
Глава 5. У Расула Гамзатова в Дагестане.....	76
Глава 6. Исповедь режиссера «Агонии» Элема Климова	98
Глава 7. Сергей Михалков: шлюзы, а не кингстоны	106
Глава 8. Сын Есенина приезжает из Америки на могилу отца	135
Глава 9. У Курта Воннегута в Саутхемптоне под Нью-Йорком	150
Глава 10. В Торонто, у Куликовского-Романова — племянника Николая II	162
Глава 11. Эксклюзивная встреча-интервью с Георгием Вициным ..	173
Глава 12. Лицом к лицу с Михаилом Горбачевым	182
Глава 13. У Шимона Переса в Тель-Авиве.....	196
Глава 14. Михаил Ульянов: «В России на актеров смотрят как на слуг»	206
Глава 15. Александр Бовин: «Журналисты не смогли переварить свободу...»	215
Глава 16. Владимир Крючков: «Я знал все секреты государства» ...	226
Глава 17. Никита Богословский: «Россия украла гимн у другой страны».....	236
Глава 18. Художник Илья Глазунов: гонимый, обласканный, великий.....	244

Глава 19. Илья Глазунов и Владимир Солоухин. Версия одного разрыва.....	259
Глава 20. Лев Колодный «Два пуда соли на одну рану»	268
Глава 21. Игорь Кио: «Я знаю все секреты Кошперфилда»	278
Глава 22. «Левак» с Гафтом.....	286
Глава 23. Алексей Баталов: «Моя мама выиграла в карты квартиру»	297
Глава 24. Несожженный Жженов	305
Глава 25. Человек-джаз Олег Лундстрем.....	313
Глава 26. Вадим Козин. Даже в ссылке его посещали знаменитости	322
Глава 27. Драма Ростислава Небольсина.....	332
Глава 28. Александр Яковлев — отец перестройки.....	341
Глава 29. Михаил Соломенцев — соратник пяти генсеков	348
Глава 30. Судьба князя Тарановского — кровавая история русского XX века	355
Глава 31. Фотограф Владимир Мусаэлян и генсек Леонид Брежнев	369
Глава 32. Легенды и быль от Евгения Рейна	394
Глава 33. Мой дед венгерский революционер Золтан Партош выжил после трех арестов	412
Примечания.....	437

Предисловие

«Мы — русские, и нас не сломит ничто...»

С героями этой книги я встречался на протяжении нескольких десятков лет. У многих брал интервью для прессы, с кем-то дружил, а «Великий старик» венгр Золтан Партош, фрагменты драматической судьбы которого завершают книгу, — мой родной дед — революционер, врач, поэт, романтик.

Я думаю, что сегодня, по прошествии немалого срока, интересны рассуждения мудрых «стариков» — писателей, политиков, актеров, историков — о переломном моменте истории — перестройке, да и о жизни вообще. Тогда, в конце 80-х, казалось, что старшее поколение не готово переиначивать жизнь, бросаться вместе с нами на баррикады. Теперь-то очевидно, что они, повидавшие жизнь, во многом оказались правы. Их честные, я бы сказал, часто провидческие мысли мне представляются очень актуальными. Не беспочвенны были их опасения, что, круша в революционном ажиотаже старое, можно уничтожить вечные ценности, и тогда потомки наши не будут «помнить родства». «В рубке с плеча можно многое потерять, и потерь этих нам не простят», — увещевал восточный старик Расул Гамзатов.

Интервью, вошедшие в книгу, намеренно печатаются в том виде, в каком они были написаны и впервые опубли-

кованы, потому что в размышлениях моих героев ощущается атмосфера 80—90-х годов, то есть горбачевско-ельцинских времен.

Судьбы тех или иных персонажей настолько сложны и противоречивы, что присутствие их в книге может вызвать непонимание. Во время моей работы над книгой, на канале НТВ показали фильм о трех днях президента Ельцина, в котором была четко обозначена роль председателя КГБ В. Крючкова в драматических для России событиях августа 1991 года. Герой фильма вызывает резко негативное отношение как организатор путча против демократии и свободы. Стоило ли включать в книгу биографию этого человека? Я беседовал с ним десять лет назад, и уже тогда увидел изможденного болезнями пожилого человека, который отвечал на мои вопросы глухим, отрывистым голосом. По-человечески мне было его даже жалко. О некоторых моментах своей жизни он не хотел говорить, но интервью, я считаю, получилось интересным. И я оставил в книге беседу с одиозной личностью, свидетелем и участником многих закулисных страниц нашего прошлого.

Жизнь другого персонажа — А. А. Тарановского полна загадок, неясностей. Русский дворянин, князь, родившийся в Шанхае и проживший на чужбине много лет, работавший на советскую военную разведку, после войны вернулся на родину и был осужден на 20 лет за... шпионаж. Работая в «воспетой» Солженицыным Марфинской шарашке, он, высококлассный радиоэлектронщик, стал одним из создателей шифровального прибора для телефонных переговоров Сталина.

Князь Тарановский любил повторять: «Мы — русские, и нас не сломит ничто».

Все мои «Великие старики» — неординарные личности. Каждый сделал в жизни все, что мог. Каждый по-своему вписался в XX век, но можно твердо сказать, что все они оставили свой след в горячей истории России.

Феликс Медведев

Глава 1

В Переделкине с Арсением Тарковским

«Судьба моя сгорела между строк...»

А декабрь 1987 года. Переделкино, маленькая комната Дома творчества. Я ненароком вторгся в размеренное бытие Арсения Александровича Тарковского и его жены, переводчицы Татьяны Алексеевны Озерской — адресата многих его лирических стихотворений, и в течение десяти вечеров, мучая вопросами, слушал рассказы о жизни и работе в литературе одного из лучших наших поэтов.

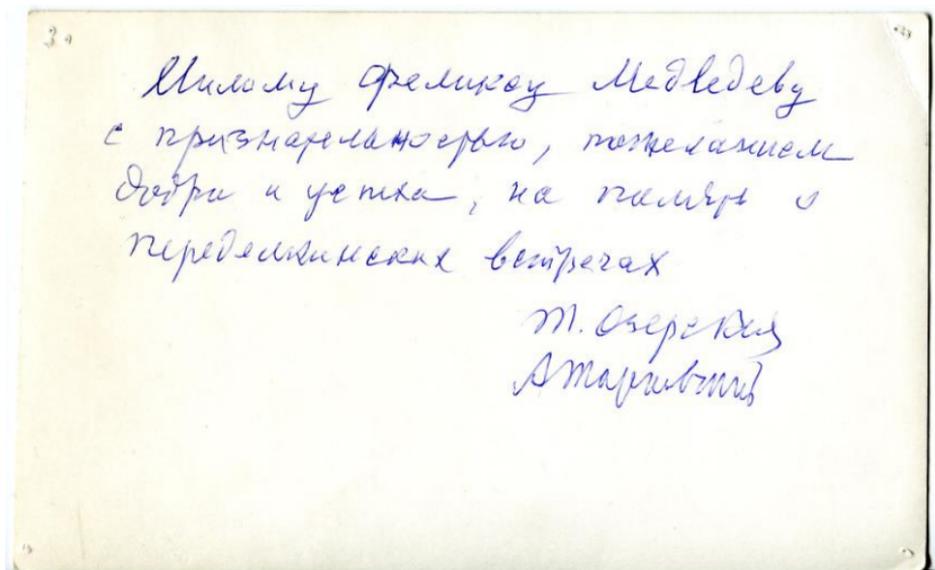
Он вскрикивал неожиданно и протяжно. К этому нельзя было привыкнуть, и каждый раз я не знал, как себя вести: молчать, сочувствовать, извиняться.

«Фантомная боль — ощущение отсутствующей ноги, — пояснила Татьяна Алексеевна. — Два года, с зимы 41-го по зиму 43-го Арсений Александрович пробыл на фронте. И почти все время на передовой».

Больше говорила Татьяна Алексеевна. Половина жизни Арсения Александровича прошла на ее глазах, и мне показалось, что она знает о нем почти все. Самому ему говорить было трудно: недавно перенесенная болезнь отняла много сил. Он быстро уставал, и тогда мы медленно поднимались на второй этаж, в кафе, где заваренный на травах чай возвращал ему чуточку бодрости.



С Арсением Тарковским и его супругой



Биография любого человека может быть интересна современникам, биография такого человека, как Арсений Тарковский, интересна вдвойне. Ибо все в ней волнует, заставляет оглянуться назад, задуматься над творчеством художника, написавшего строки:

Я бессмертен, пока я не умер,
И для тех, кто еще не рожден,
Разрываю пространство, как зуммер
Телефона грядущих времен.

В ПЛЕНУ У МАРУСЬКИ НИКИФОРОВОЙ

...Гражданская война. Завладев городом Елисаветградом, атаманша Маруська Никифорова¹ допрашивала пленных в штабе, расположенном в бывшем кавалерийском училище. Бронепоезд стоял на станции. Город оцепенел, устав от голода и войны. Все знали, что атаманша мстит за смерть соратников.

Она сидела в кресле, опустив голову. Короткие прямые волосы, свисая, закрывали лицо. На столе — маузер. За спиной — охранник в тельняшке. Пленных предварительно содержали в камере, а потом приводили на допрос.

Перед атаманшей стоял мальчик лет двенадцати. Его привел здоровенный казак. Среди задержанных был и старший брат этого мальчика, бросивший бомбу в атаманшу.

— Я же сказала, не брать хлопчиков, — приподняла голову Маруська. — Разобраться и доложить!

Потом открыла ящик стола, достала ярмарочный витой, обернутый серебрецом леденец и, поглаживая мальчика по голове, протянула ему: «Гарный хлопчик...»

Казаку, приведшему ребенка, было дано распоряжение отвести его домой и взять от родителей справку, что довел благополучно. Проходя коридорами кавалерийского училища, где мальчику было все так знакомо, ибо здесь пре-

подавал математику его дядя, казак чертыхался и, приговаривая «набрыдло всё», жалобно стонал.

На стук в окно выглянула мать:

— Где же ты был, я весь город обегала... Не сидится дома, смотри, что творится кругом.

Мальчик признался, что был в плену, но постыдился сказать, что у Никифоровой, а казак многозначительно добавил: «Атаманша...» В записке, которую дала казаку сельская учительница Мария Даниловна, говорилось: «Арсения Тарковского, ученика 3-го класса гимназии Крыжановского, доставили домой благополучно».

ПИСЬМО ОТ МАРШАЛА ПИЛСУДСКОГО

Отец будущего поэта Александр Карлович, самый любимый герой всей его жизни — народоволец-восьмидесятник. Более десяти лет протомился он в ссылке за Якутском, где вел обстоятельные записи об этой земле, ее людях, обычаях. О тех, кто волею судеб оказался рядом с ним. Когда в 1920 году буденновская армия взяла Елисаветград, Александра Карловича пригласили в особый отдел Первой конной армии, чтобы «объясниться» по поводу посылки и письма, пришедших на его имя из Польши. Письмо гласило: «Дорогой Саша! Я теперь неплохо устроился, я маршал Польши. Целую тебя. Приезжай, привози семью, коли женат. Твой Юзеф». «Судьбою правит случай», — бывший ссыльный припомнил человека по фамилии Пилсудский. — Неужели это он?»

Времена были крутые, и Александр Карлович понимал, что значит получить вести от руководителя военными действиями против Советской России со стороны Польши. Он догадался взять с собой письмо Ленина, в котором Владимир Ильич, лично знавший А. К. Тарковского, просил его написать воспоминания о «Народной воле». Письмо это и спасло ему жизнь. Комиссар чуть ли не с почестями отправил адресата посылки восвояси.

— Письмо Ленина я отдал в Музей революции сразу же после смерти отца, еще в 20-е годы, — сказал Арсений Александрович.

ЮНЫЙ АРСЕНИЙ ПРИЗНАЛСЯ СОЛОГУБУ В СВОЕМ «ГРЕХЕ»

Небольшой украинский городок слыл центром культурной жизни. Сюда приезжали известные композиторы, музыканты, писатели. Выступал с лекциями Бальмонт. Одно из детских потрясений Тарковского — вечер знаменитых российских поэтов Игоря Северянина и Федора Сологуба. Шестилетнего мальчика родители взяли на этот вечер. До сих пор Арсений Александрович не может понять, почему ему понравился именно Сологуб. Но случай этот не остался без последствий. Юноша, всерьез начавший «жить стихом», решил на поездку в Ленинград.

— Мне очень хотелось еще раз увидеть Сологуба, поблагодарить его за стихи, сказать, что я помню его с детства. С трудом в незнакомом городе нашел квартиру знаменитого поэта. Когда я вошел к нему, он был грустен и одинок. Не заживала душевная рана после гибели любимой жены и друга Анастасии Николаевны Чеботаревской. За стеной назойливо играли гаммы. Я спросил Федора Кузьмича, не удручают ли они его. «Нет, — ответил тот, — мне не так одиноко». Поставил три прибора. Третий для той, ушедшей из жизни, — такой в доме был ритуал.

Сологуб расспрашивал меня о Елисаветграде, о родителях, о любимых поэтах, долго не отпускал и лишь под конец неожиданно спросил: «А сами-то вы стихов не пишете?» Я признался в своем «грехе». Он попросил почитать что-нибудь и, выслушав, вынес приговор: «Это очень плохие стихи, молодой человек, но вы не теряйте надежды, пишите, быть может, что-нибудь у вас и получится». Эти слова запомнились мне на всю жизнь.

Когда я уходил, хозяин дома подал пальто. Я смутился, а он пошутил: «Молодой человек, я подаю вам пальто не из подхалимства, а потому, что я член добровольного общества взаимного подавания пальто». И уже почти вдогонку предложил мне свою книжку, но взять ее я не посмел. Больше мы не встречались.

ЗАСТАЛ ЦВЕТАЕВУ ЗА СТИРКОЙ БЕЛЬЯ

О дружбе Тарковского с Мариной Цветаевой в короткий отрезок времени — с ее возвращения на Родину до отъезда в эвакуацию — ходят легенды. Одна из них окрашена в романтические тона. На самом деле все было так.

Через переводчицу Яковлеву Тарковский послал Цветаевой книжку стихов переведенного им туркменского поэта Кемине. Перевод ей очень понравился, и она написала в записке: «Вы все можете». Состоялось личное знакомство, перешедшее в пылкую, но кратковременную дружбу. Марина Ивановна жила тогда в маленькой комнате невдалеке от Главпочтамта. Тарковский приходил к ней в гости, и они отправлялись гулять. Цветаева любила ходить пешком, используя для этого любую возможность. Шагала она удивительно быстро, и спутник едва поспевал за ней. Беседовали в основном во время прогулок. Она подолгу рассказывала о своей любимой Праге, о парижской жизни, о превратностях судьбы.

Однажды Тарковский застал Цветаеву за стиркой белья. Позже родилось стихотворение:

Марина стирает белье.
В гордыне шипучую пену
Рабочие руки ее
Швыряют на голую стену.

Белье выжимает. Окно —
На улицу настезь, и платье
Развешивает.

Все равно,
Пусть видят и это распятье.

Гудит самолет за окном,
По тазу расходится пена,
Впервой надрывается днем
Воздушной тревоги сирена.

От серого платя в окне
Темнеют четыре аршина
До двери.
Как в речке на дне —
В зеленых потемках Марина.

Два месяца ровно со лба
Отбрасывать пряди упрямо,
А дальше хозяйка-судьба.
И переупрямит над Камой...

Во время одной встречи Тарковский прочитал Цветаевой только что сочиненные им стихи:

Стол накрыт на шестерых,
Розы да хрусталь,
А среди гостей моих —
Горе и печаль.

И со мною мой отец,
И со мною брат.
Час проходит, наконец,
У дверей стучат.

Как двенадцать лет назад,
Холодна рука
И не модные шуршат
Синие шелка.

И вино поет из тьмы,
И звенит стекло...
Как тебя любили мы —
Сколько лет прошло.

Улыбнется мне отец,
Брат нальет вина,
Даст мне руку без колец,
Скажет мне она:

«Каблучки мои в пыли.
Выцвела коса,
И звучат из-под земли
Наши голоса».

Уже в 50-е годы от писательницы М. Белкиной он узнал о том, что существует ответное стихотворение поэтессы «Ты стол накрыл на шестерых...». Это стихотворение — подлинный шедевр цветаевской лирики — было одним из самых последних ее творений. Помечено оно 6 марта 1941 года.

ОБРУГАЛ САМОГО РОКОССОВСКОГО

Сохранилась фотография, запечатлевшая А. Тарковского и А. Твардовского на фронте. Я попросил Арсения Александровича рассказать о войне.

11 раз писал он заявления с просьбой взять его в армию, и каждый раз получал отказ. Потом, наконец, добровольца мобилизовали. Работал он в армейской газете «Боевая тревога». В его задачу входило сочинение юмористических статей и рассказов. Но приходилось и участвовать в боях.

Главное было — не раствориться, не растеряться в этом аду и хаосе.

— На нас шли немецкие танки. Я прыгнул в окопчик, сверху свалился другой человек и стал душить меня от

ужаса. И тогда на живом узоре моей памяти завязался еще один узелок: никогда, никогда не терять своего человеческого образа. Даже в такой обстановке, даже на войне, даже на краю гибели...

А как много доброго открыл Тарковский на фронте в людях! Сколько встреч, запомнившихся на всю жизнь, преподнесла война! Командиром его группы войск был Константин Константинович Рокоссовский. Однажды, заглянув в палатку к гвардии капитану Тарковскому, заснувшему после ночного задания, он приподнял край шинели, накрывавшей спящего человека, и в ответ получил пару ругательных слов — Арсений Александрович не сразу понял, кто его потревожил. Командующий, смутившись, произнес «Виноват», отдал честь и вышел. Вроде бы случай, почти курьез, но он прекрасно дополняет образ прославленного маршала.

За участие в боях с фашистами Тарковский награжден орденами и медалями. После ранения разрывной пулей он перенес ампутацию ноги.

РАССЫПАННАЯ ПЕРВАЯ КНИГА

Весной 1945 года А. Тарковский выписался из госпиталя и начал усердно заниматься переводами. В Союзе писателей СССР состоялся его первый творческий вечер. Выступавшая на нем Маргарита Алигер² сказала: «Перед нами поэт милостью божьей, нужно издать его книгу».

Здесь, кстати, могу заметить, что наверняка не все любители поэзии знают о драматической судьбе невышедшей первой книги Арсения Александровича. Я с трепетом перелистывал сигнал³ этого сборника в квартире Тарковских на Маяковке. Сходивший с ума от прикосновения к любой редчайшей книге, как я мечтал пополнить этим раритетом свою коллекцию! Но не решился выпросить ее у автора, понимая, как он ею дорожит. История такова. Тарковский подготовил к изданию книгу стихов, которая получила

одобрение на собрании секции поэтов в Союзе писателей. Несмотря на отрицательную рецензию критика Евгения Книпович, рукопись была подписана к печати в издательстве «Советский писатель» и дошла до стадии сигнального экземпляра, когда 14 августа 1946 года грянуло постановление ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"». Директор издательства решил на время, пока, как говорится, не улягутся страсти, задержать выпуск книги. Поэтому матрицы в типографии «законсервировали» на несколько месяцев. А позже руководство приняло решение заново отрецензировать рукопись. И тогда спохватились, что в книге нет ни одного стихотворения о Сталине и лишь одно — с упоминанием имени Ленина. Набор рассыпали.

Тарковский, и до того мало заботившийся о судьбе своих стихов, о своем «литературном хозяйстве», начисто потерял интерес к изданию книг. И только благодаря настойчивости Татьяны Алексеевны сборник стихов «Перед снегом» был собран, отнесен в издательство «Советский писатель», получил в высшей степени одобрительные отзывы М. Алигер и Е. Златовой и увидел свет в 1962 году (Арсению Александровичу было уже 55), сразу же став событием в современной поэзии.

Арсений Тарковский был по-детски равнодушен к популярности, к каким-либо окололитературным пересудам. Радовался он лишь тогда, когда получалось хорошее стихотворение и оно кому-то нравилось. В особенности человеку, мнение которого Арсению Александровичу небезразлично.

Писал Тарковский мало. «Избранное», вышедшее в 1982 году, в сущности, вместило почти все, что им сделано. Интересно, что некоторые годы выходили особенно плодотворными. 57-й, например. Чем это объяснить? Ветрами времени? Близостью с добрыми людьми? Вдохновением?

На мой вопрос, когда он понял, что поэзия — его призвание, Арсений Александрович ответил: «Наверное, с рождения. Во всяком случае, с самых юных лет. И к Сологу-

бу-то я бросился потому, что стихи — это то, чем я жил уже в ту далекую пору».

ПЕРВОЕ ВПЕЧАТЛЕНИЕ БЫВАЕТ ОБМАНЧИВЫМ

В один из вечеров я попросил Татьяну Алексеевну рассказать о молодом Тарковском, о том, как они встретились.

— Однажды, это было весной 42-го года, я пришла в Союз писателей за пайком и увидела красивого молодого человека в военной форме. Он поразил меня тем, что, как птица, перелетал из комнаты в комнату, и я успела подумать: ну и стремительность.

Позднее в том же Союзе я услышала рыдающий голос Сусанны Мар: «Какой кошмар! Тарковскому ампутировали ногу». И я, грешным делом, произнесла про себя: «Господи, что же так кричать, голова-то целая, а ведь сколько людей и головы сложили». А в мае 44-го в переделкинском Доме творчества я увидела мужчину, который тоже был похож на птицу, но только со сломанным крылом. Спросила: «Кто это?» Ответили: «Разве вы не знаете, это Тарковский». И тут у меня все связалось в одно: военная форма, стремительность, вопли женщины. Не успела я опомниться, как меня извещают: «Сегодня он будет читать свои стихи, приходите». Я в те дни переводила своего любимого О'Генри и, поддавшись какому-то внутреннему сопротивлению, на вечер не пошла, устроилась с рукописью на верхней террасе. Чтение стихов происходило на нижней. И вот до меня донесся красивый мужской голос: «В жаркой женской постели я лежал в Симферополе...» «Боже, какая пошлость, — подумала я, — как хорошо, что я не пошла на вечер». Но голос продолжал звучать, и я невольно прислушалась. И буквально в течение минуты все изменилось: я поняла, что первое впечатление было обманчивым. Случаются неудачные строки и у хороших по-

этов, а на самом деле там, внизу, звучат настоящие стихи. Я спустилась вниз и не пожалела: все, что читал Тарковский, произвело на меня огромное впечатление.

На вечеру мы и познакомились, а позже, в 1946 году, поженились.

«АННА АНДРЕЕВНА, Я НЕ ДАНТЕС!..»

С Анной Ахматовой Тарковский впервые увиделся на квартире поэта Г. Шенгели в 1946 году. Его пригласили специально для этой встречи. Знакомство началось с шуточного эпизода. Арсений Александрович взял в руки небольшую шпагу, которой баловался хозяин дома, и Анна Андреевна пошутила: «Кажется, мне угрожает опасность?» «О, нет, Анна Андреевна, я не Дантес», — почему-то выпалил гость. Всегда находчивая Ахматова растерялась: «Я не знаю, как мне ответить на такой комплимент».

Тарковский прочитал какие-то стихи, и Ахматова заметила, что они похожи на стихи Мандельштама. Следующая встреча произошла в Голицыне в Доме творчества; а потом они виделись все чаще и чаще.

— *Арсений Александрович, я слышал, будто бы Анна Андреевна выглядела королевой, гордой и непреклонной?*

— Нет, королевой она не была. Во всяком случае, мне так не казалось. Правда, однажды, когда ей сказали, что Эльза Триоле приглашает ее в Париж, Ахматова действительно по-королевски парировала: «Не понимаю, почему она меня приглашает, я же не зову в Москву римского папу».

Однажды я поссорился с ней из-за Модильяни. Я посмел сделать замечание по поводу ее воспоминаний о встречах со знаменитым художником — они мне не понравились. «Лучше бы вы стихи писали, а не пишется, думали бы о Боге», — сказал я Ахматовой.

— Арсений пришел домой ужасно расстроенный, — вступает в разговор Татьяна Алексеевна. — «Я поссорился

с Ахматовой», — сказал он убитым голосом. — Тогда я посоветовала ему завтра же купить большой букет цветов, стать перед ней на колени и извиниться. Но Арсений Александрович ничего этого не успел сделать. Раздался телефонный звонок. «Это говорит Ахматова, — слышалось в трубке. — Вместо того, чтобы ссориться, браниться, нам нужно поддерживать друг друга добрым словом».

Разве королева могла так поступить?! Далеко не каждый смертный в такой ситуации простил бы обиду. Ахматова была цельным, мудрым человеком.

В архиве Тарковского сохранилось две телеграммы от Ахматовой. Они связаны с выходом его первой книги «Перед снегом». Прочитав ее, Анна Андреевна сначала телеграммой поздравила поэта, а потом позвонила и сказала, что если теперь, не дай бог, с ним что-нибудь случится, ей будет жаль его гораздо больше. Ахматовой нравились его стихи. Особенно стихотворение «Когда б на роду мне написано было лежать в колыбели богов». Вечером Тарковский оставил ей рукопись этого стихотворения, а утром она позвонила ему и похвалила стихи.

Дружба с великой поэтессой была сердечной, искренней. Ее смерть потрясла Тарковского. Он сопровождал усопшую в Ленинград, присутствовал при отпевании в Никольском Морском соборе, хоронил в Комарове. Тогда же появились стихи:

Когда у Николы Морского
Лежала в цветах нищета,
Смирненное чуждое слово
Светилось темно и сурово
На воске державного рта.

Но смысл его был непонятен,
А если понять — не сберечь,
И был он, как небыль, невнятен
И разве что — в трепете пятен
Вокруг оплывающих свеч.

И тень бездомной гордыни
По черному Невскому льду,
По снежной Балтийской пустыне
И по Адриатике синей
Летела у всех на виду.

ХОТЕЛ ЗАСТРЕЛИТЬСЯ ИЗ-ЗА ПОТЕРЯННОЙ СТРОКИ

Арсений Тарковский — известный переводчик. Блистательный мастер стихотворного перевода, он высоко оценен на этом поприще и критиками, и читателями. Одна из самых близких его сердцу работ и самая, пожалуй, значительная — перевод стихов выдающегося туркменского поэта XVIII века Махтумкули.

Тарковского пригласил Союз писателей Туркмении, и с осени 1946 по июнь 1947 года они с женой жили в Ашхабаде.

— Еще по подстрочникам, — вспоминает Татьяна Алексеевна, — которые, как известно, — лишь первоначальное «сырье» для переводчика, он поразился глубине мысли Махтумкули. Бегал по комнате, читал и все время приговаривал: «Ты только послушай».

Однажды был такой смешной эпизод. Арсений Александрович закончил перевод стихотворения «Скажите лжецам и глупцам», вскочил со стула и, радостный, возбужденный, в восторге упоения от самого себя, закричал: «Я, как Пушкин, готов кричать: «Ай да Арсик, ай да сукин сын! Мне тоже хочется скакать на одной ноге!» — и прочитал мне стихотворение:

Скажите лжецам и глупцам:
Настало их подлое время.
Скажите безумным скупцам:
Казна — бесполезное бремя.

Он — в восторге, я — в восторге, но вдруг Арсений подходит к столу, хватается за голову: «Я застрелюсь, я утоплюсь!» — «Что такое?» — «Я пропустил одну строку». — «Ну так переведи ее!» — «Ее перевести нельзя». — «Почему?» — «Я использовал все имеющиеся рифмы: племя, стремя, бремя, время, семя, темя». — «Не может быть, чтобы в русском языке не было еще одной такой рифмы». — «Нет, больше нет, не успокаивай меня, я полон отчаяния».

Подхожу к столу, начинаю сравнивать с подстрочником. Где же пропущенная строка? Оказалось, все на месте, ему просто почудилось, что строка выпала, настолько он был возбужден.

Но любопытно другое: когда мы приехали в Москву и по словарю русских рифм проверили мои сомнения, оказалось, что прав был Арсений Александрович, действительно, подобных рифм больше нет в русском языке.

АЛЕКСАНДР ФАДЕЕВ: «ПЕРЕВОДЫ ТАРКОВСКОГО НАДО НЕМЕДЛЕННО ИЗДАТЬ!»

Александр Фадеев взял перевод Махтумкули на прочтение и, спустя несколько дней, собрал секретариат Союза писателей, пригласив на него директоров издательств «Советский писатель» и Гослитиздат. Когда все собрались, он предложил Арсению Александровичу прочитать что-нибудь из сделанного в Ашхабаде, после чего безапелляционно произнес: «Я считаю, что эти переводы необходимо немедленно издать, причем сразу же в двух издательствах. Кто "за"?» Все подняли руки. И произведения Махтумкули, до того малоизвестные русскому читателю, сразу же стали популярными. А сегодня невозможно представить нашу литературу без замечательных творений одного из лучших поэтов Востока.

— Осенью 48-го года мы снова собрались в Ашхабад, — продолжает вспоминать Татьяна Алексеевна. —

Вместе с нами должен был лететь один наш коллега. Мне почему-то хотелось добираться поездом, и я долго уговаривала Арсения Александровича и нашего товарища именно так и сделать. В конце концов мужа я сумела уговорить. Когда же мы прибыли в Ашхабад, нашему взору предстала страшная картина разрушительного землетрясения. Поезд приехал буквально перед самым последним толчком. Как потом выяснилось, наш коллега, прилетевший самолетом, погиб.

Из Туркмении Тарковские выехали в Каракалпакию, где поэту предложили перевести знаменитый эпос «Сорок девушек». О нем упоминается еще в сочинениях Геродота. В Нукусе хватило лиха. Время было трудное, страна управлялась от военных невзгод. Жили в неуютной гостинице, без каких бы то ни было удобств. Двери не запирались, окна нараспашку, невдалеке были шакалы. Еда самая скудная. Ко всему прочему, Арсений Александрович заболел малярией.

И все-таки работу свою он завершил. Это был еще один выдающийся переводческий вклад в дело дружбы литератур и народов нашей страны. При обсуждении в Союзе писателей СССР ученый-фольклорист Л. Климович заявил: «Нередко читаешь тот или иной эпос, и тянет ко сну, так вот почти впервые я прочитал до конца такую большую и увлекательную вещь». Это была высокая похвала мужественному труду замечательного переводчика.

«ТВОЙ СЫН, — НЕСЧАСТНЫЙ И ЗАМУЧЕННЫЙ АНДРЕЙ ТАРКОВСКИЙ...»

И еще об одном обстоятельстве, связанном с жизнью и судьбой Арсения Тарковского, хотелось бы рассказать. Так случилось, что во время наших с ним встреч пришло сообщение, что во Франции, на чужбине, умер сын поэта, известный кинорежиссер Андрей Тарковский.

Отношения между сыном и отцом Тарковскими, двумя своеобразными художниками, всегда были теплыми, близкими. Сын тянулся к отцу, который со своей богатой жизненной и творческой биографией всегда был для него авторитетом. Он очень любил поэзию отца и не раз включал его стихи в свои фильмы. По воспоминаниям, режиссер Тарковский, верный своим творческим принципам, не давал отцу никаких поблажек, требовал максимальной отдачи. Так, одно из стихотворений, используемых в фильме «Зеркало», Арсений Александрович читал перед камерой 11 раз.

Нужно сказать, что тема отца и сына, отца и матери проходит через все фильмы Тарковского. А рядом с этой темой, вернее, сквозь нее, проходит другая — дума о Родине, об Отчем доме. Хорошо об этом сказал в печати литературный критик Игорь Золотусский:

«Человек, теряющий дом, покидающий дом, оторванный или отрывающийся от дома, становится голью перекатной, былинкой на ветру, его уносит в мировой океан, но и мировой океан также чувствителен к отступничеству, к отрыву от родительских гнезд. Вспомним финал "Соляриса" — блудный сын на коленях перед отцом».

Мыслями о родном доме пронизаны и последние работы Тарковского «Ностальгия» и «Жертвоприношение».

В одну из наших встреч Татьяна Алексеевна вынесла из соседней комнаты и положила передо мной несколько исписанных страниц. «Вот, наконец, нашла, мы хотим, чтобы вы его прочитали...» Это было последнее письмо Андрея Арсеньевича отцу. Написал он его в ответ на послание Тарковского-старшего, в котором говорилось, что всякий художник, имея право на творческую свободу, осуществлять ее должен прежде всего на родной земле.

В марте 1982 года по официальной договоренности Андрей Тарковский выехал в Италию для работы над совместным итало-советским фильмом. Позднее срок поездки был продлен: режиссер не успевал завершить задуманного.

Нелегко складывалась его творческая судьба на родине, нелегко было ему во многом и на чужбине.

Вот это письмо:

«Дорогой отец!

Мне очень грустно, что у тебя возникло чувство, будто бы я избрал роль "изгнанника" и чуть ли не собираюсь бросить свою Россию... Я не знаю, кому выгодно таким образом толковать тяжелую ситуацию, в которой я оказался "благодаря" многолетней травле начальством Госкино, и в частности Ермашом — его председателем.

Может быть, ты не подсчитывал, но ведь я из 20 с лишним лет работы в советском кино — около 17 был безнадежно безработным. Госкино не хотело, чтобы я работал! Меня травили все это время, и последней каплей был скандал в Каннах, где было сделано все, чтобы я не получил премии (я получил их целых три) за фильм "Ностальгия"».

Этот фильм я считаю в высшей степени патриотическим, и многие из тех мыслей, которые ты с горечью кидаешь мне с упреком, получили свое выражение в нем. Попроси у Ермаша разрешения посмотреть его, и все поймешь, и согласишься со мной.

Желание же начальства втоптать мои чувства в грязь означает безусловное и страстное желание, мечтание их отделаться от меня, избавиться от меня и моего творчества, которое им не нужно совершенно.

Когда на выставку Маяковского в связи с его двадцатилетней работой почти никто из его коллег не захотел прийти, поэт воспринял это как жесточайший и несправедливейший удар, и многие литературоведы считают это событие одной из главных причин, по которым он застрелился.

Когда же у меня был пятидесятилетний юбилей, не было не только выставки, не было даже объявления и поздравления в нашем кинематографическом журнале, что делается всегда и с каждым членом Союза кинематографистов.

Но даже эта мелочь — а их десятки, — унизительна для меня. Ты просто не в курсе дела.

Потом, я вовсе не собираюсь уезжать надолго. Я прошу у своего руководства паспорт для себя, Ларисы, Андрюши (жена и сын Андрея Тарковского. — Ф. М.) и его бабушки, с которыми мы смогли бы в течение трех лет жить за границей, с тем чтобы выполнить, вернее, воплотить мою заветную мечту: поставить оперу "Борис Годунов" в "Ковент Гарден" в Лондоне и «Гамлета» в кино. Недаром я написал свое письмо-просьбу в Госкино. Но до сих пор не получил ответа.

Я уверен, что мое правительство даст мне разрешение и на эту работу, и на приезд сюда Андрюши с бабушкой, которых я не видел уже полтора года; я уверен, что правительство не станет настаивать на каком-либо другом антигуманном и несправедливом ответе в мой адрес.

Авторитет его настолько велик, что считать меня в теперешней ситуации вынуждающим кого-то на единственно возможный ответ просто смешно; у меня нет другого выхода: я не могу позволить унижать себя до крайней степени, и письмо мое — просьба, а не требование. Что же касается моих патриотических чувств, то смотри "Ностальгию" (если тебе ее покажут) для того, чтобы согласиться со мной в моих чувствах к своей стране.

Я уверен, что все кончится хорошо, я кончу здесь работу и вернусь очень скоро с Анной Семеновной, и Андреем, и Ларой в Москву, чтобы обнять тебя и всех наших, даже если я останусь (наверняка) в Москве без работы. Мне это не в новинку.

Я уверен, что мое правительство не откажет мне в моей скромной и естественной просьбе (в случае же невероятного — будет ужасный скандал. Не дай бог, я не хочу его, ты сам понимаешь). Я не диссидент, я художник, который внес свою лепту в сокровищницу славы советского кино. И не последний, как я догадываюсь (один бездарный критик, наученный начальством, запоздало назвал меня великим). И денег (валюты) я заработал своему государству больше многих.

Поэтому я не верю в несправедливое и бесчеловечное к себе отношение. Я же как остался советским художником, так им и буду, чего бы ни говорили сейчас виноватые, выгаливающие меня за границу.

Целую тебя крепко-крепко, желаю здоровья и сил.

До скорой встречи. Твой сын — несчастный и замученный Андрей Тарковский.

Лара тебе кланяется.

Рим. 16.IX.83».

Как известно, разрыв с родиной стал смертельным для Тарковского. Режиссер не готов был к вынужденной эмиграции. Оправдались слова отца о невозможности для художника творить в чужой стране.

Но время — хоть и безжалостная, но справедливая вещь. Оно все расставляет по своим местам. Многих имен знаменитых и почитаемых когда-то в Советском Союзе режиссеров ныне не помнят, зато имя Тарковского, как имена Достоевского и Чехова, в мире ассоциируется с Россией.

Его фильмы «Иваново детство», «Сталкер», «Андрей Рублев», «Солярис», «Зеркало», «Ностальгия», «Жертвоприношение» — признанные шедевры мирового кинематографа. Великий шведский режиссер Ингмар Бергман назвал Тарковского режиссером, который сумел выразить то, что ему самому всегда хотелось, но не удавалось. Известны его слова: «Всю свою жизнь я стучался в дверь, ведущую в то пространство, где он движется с такой самоочевидной естественностью».

Стихи Арсения Тарковского давно стали неотъемлемой частью отечественной культуры.

27 мая 1989 года поэта, как и его сына Андрея, унесла смертельная болезнь.

Отпевали его в храме Преображения Господня в Переделкине...

Я свеча, я сторел на пиру.
Соберите мой воск поутру.
И подскажет вам эта страница,
Как вам плакать и чем вам гордиться,
Как веселья последнюю треть
Раздарить и легко умереть,
И под сенью случайного крова
Загореться посмертно, как слово...

Глава 2

О Василе Быкове.

Трава после нас

«...я простой, измотанный жизнью белорус...»

Творчество Василя Быкова еще долго будет вызывать интерес читателей. Его произведения, написанные, в основном, «про войну», сразу обжигают людское сердце, тревожат душу, заставляют думать, берегут память.

Мне очень хотелось повстречаться с писателем, поговорить с ним. Скромный, даже застенчивый, многозанятый общественными делами человек, не любящий суесловия, парадности, Василь Владимирович никак не мог выбрать время и настроение принять корреспондента. Тогда я послал ему телеграмму с вопросами, зная, что он приедет в Москву на пленум Союза писателей СССР.

МИНСК ТАНКОВАЯ УЛИЦА ДОМ ДЕСЯТЬ
КВАРТИРА 132 ВАСИЛЮ ВЛАДИМИРОВИЧУ
БЫКОВУ ТЧК ПРОСИМ ОТВЕТИТЬ НА СЛЕДУЮЩИЕ
ВОПРОСЫ КОРРЕСПОНДЕНТА ОГОНЬКА ФЕЛИКСА
МЕДВЕДЕВА ТЧК ПЕРВЫЙ НЕ КАЖЕТСЯ ЛИ ВАМ
ЧТО В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ЧИТАТЕЛИ КАК БЫ
ПООСТЫЛИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ НА ВОЕННУЮ
ТЕМУ ТЧК ЕСЛИ ВЫ С ЭТИМ СОГЛАСНЫ ТО ЧЕМ
ЭТО МОЖНО ОБЪЯСНИТЬ ТЧК...